

РОМАН БЕВЗЕНКО

партнер компании
«Пепеляев Групп»,
кандидат юридических
наук

— Я возвращаюсь в памяти в декабрь 2018 г. и пытаюсь вспомнить, было ли хоть что-то, что давало повод полагать, что 2019 г. принесет нам какой-то позитив в сфере юриспруденции. Память услужливо подсказывает: нет, вроде ничего такого не было, что бы позволило надеяться на улучшения в нашей правовой системе. Видимо, сейчас самое время подвести некоторые итоги года. Точнее, итоги года с моей — юриста, специализирующегося на гражданском праве, — колокольни.

1. Законодатель. Чем же запомнился законодатель в 2019 г.?

А. Постоянное репрессивное законотворчество. На общем новостном фоне постоянно проскальзывают новости: Дума запретила то, запретила сё. Из последнего, что на слуху, — ужесточение и без того безумного законодательства об иностранных агентах. Разумеется, все эти законы о суверенном Интернете, оскорблении властей и пр. также не вызывают никаких позитивных эмоций — это совершенно ясное, недвусмысленное ограничение свободы непонятно ради чего.

Б. Изменения в процессуальном законодательстве. Мне не нравится, когда последние процессуальные изменения именуют процессуальной революцией. Это не революция, а деградация. Арбитражный процессуальный кодекс, который был более или менее современным, подвергается постоянной порче. Это и изменения правил об отводах, и изменения правил о движении дела, и совершенно нелепые новые правила о процессуальном представителе. Я не понимаю, зачем это нужно, если у нас по-прежнему лицо может представлять само себя в суде. У нас по-прежнему действует принцип «суд знает право», а состязание сторон споров осуществляется в рамках доказывания (т.е. в вопросах факта, а не права).

В. Арестный залог для налогов. Еще одна тенденция — постоянное усиление защиты фискальных интересов по сравнению с интересом частным. В 2019 г. это вылилось в том числе в появление в Налоговом кодексе такого нового инструмента, как «налоговый арестный залог». Теперь я с замиранием сердца жду разрешения вопроса о том, дает ли такой арестный залог приоритет при банкротстве налогоплательщика. Верховный Суд, что ты скажешь на это? Неужели и здесь не будет приоритета?!

Г. Убиение долевого участия в строительстве. В 2019 г. произошло окончательное убиение долевого участия в строительстве путем введения правил об обязательности использования эскроу-счетов для расчетов граждан с застройщиками. Результат вполне ожидаем — у застройщиков пропала возможность кредитоваться бесплатно за счет дольщиков, им теперь для строительства надо брать кредиты в банках. Но тогда какой смысл продавать фактически без экономического эффекта для себя квартиры на стадии строительства? Лучше их попридержать и продать готовое.

Д. Защита добросовестного приобретателя. Теперь несколько позитивных новостей. Любопытно, что они сосредоточены в основном в сфере частного

права. Неплохой закон⁵, который изменил положения ст. 8.1 ГК РФ и похоронил стандарт осмотрительности при приобретении недвижимости, заключающийся в необходимости «проверять всё», а также фактически трехлетний срок для наступления бесповоротности записей реестра для определенных случаев. Конечно, можно было сделать этот срок для всех, но, как говорится, Президент Путин поручения заботиться о благе всех не давал, поэтому такое несколько странное решение в итоге и получилось.

Е. Реформа вещного права ГК. Разумеется, самое главное событие на законодательном фронте для меня — это опубликование новой редакции проекта реформы вещного права⁶. Новый текст более решительно переводит Россию на рельсы концепции единого объекта недвижимости, менее решительно вводит новые вещные права (которые будут конкурировать с привычными сегодня договорами аренды) и пр. Но самое важное — реформа, кажется, все-таки тронулась с места. И это очень хорошо — иметь столь простенькое вещное право, какое есть у нас сегодня, просто преступление против гражданского оборота. А самое интересное, что никаких иных инструментов для улучшения вещного права, кроме законопроектной работы, у нас не осталось: суды ничего не смогут изменить в сфере вещного права, например Росреестру наплевать на практику судов; наука же вообще источником для правового прогресса здесь быть не может. Разумеется, проект можно и нужно критиковать, ловя какие-то огрехи в тексте. Занимать позицию «не надо это принимать просто потому, что не надо это принимать» — деструктивно и непатриотично. Утверждаю это как действительный государственный советник 2-го класса (кто знает, что это за классный чин, тот поймет убедительность моего заявления).

2. Суды. Это моя самая главная боль и разочарование. Я страстно хочу, чтобы в России был независимый, компетентный и уважаемый сообществом высший суд, в котором судьями были бы достойнейшие юристы, которых уважает и ценит все юридическое сообщество России. Увы, у нас такого суда нет.

Посмотрим, что же произошло с судами в 2019 г.

А. Судоустройственная «реформа» в сфере общей юрисдикции. Еще одна «революция», которая на самом деле никакая не революция. Сам по себе принцип «отвязки» проверочных инстанций от региональной структуры страны правильный, но то, как назначались судьи в эти суды (фактически коллективы из судов субъектов вслед за председателем, назначенным в новый суд, переходили туда же), и то, какие результаты эти суды показали в первые же месяцы своей работы, — сплошное разочарование.

⁵ См.: Федеральный закон от 16.12.2019 № 430-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее — Закон № 430-ФЗ).

⁶ См.: проект федерального закона № 47538-6/5 «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Б. Уголовные дела в рамках «московского дела». Здесь особо нечего комментировать — злая воля управляет этими уголовными процессами, причем Президент Путин даже не скрывает, почему это делается: сегодня бросили стаканчик в полицейского, завтра — бомбу. Ложность подобного рассуждения уже доказана: стрелок, расстрелявший сотрудников ФСБ в декабре, перед этим стаканчики в полицейских не бросал. Не хочу больше ничего писать, всем и так все понятно.

В. Председатель Лебедев. Тоже тренд 2019 г., не требующий особых комментариев. Переназначение В.М. Лебедева ясно показывает, что режим текущим состоянием судов доволен и ничего менять не собирается (что с его, режима, точки зрения вполне оправданно; а вот с точки зрения равнодушных граждан — как раз наоборот).

Г. «Пленумотворчество» и «обзоротворчество» в 2019 г. в сфере частного права было не особенно активным. Вышло два обзора (по гарантии⁷ и по корпоративному праву⁸), в которых я ничего нового не нашел. Было Постановление по интеллектуальной собственности⁹, но в ней я не специалист, поэтому комментировать не возьмусь. Эти тексты становятся все более и более абстрактными, неконкретными. Их все тяжелее применять к конкретным делам, судьи все чаще говорят — да, это написано Пленумом, но сами посмотрите, какие в этом деле есть дополнительные обстоятельства. В 2019 г. я окончательно утвердился во мнении, что пленумы — это зло, остаток советского периода, который надо как можно скорее изжить. Верховный Суд должен разрешать конкретные дела, давая развернутые мотивировки на 30–50 страниц, показывая тем самым судам логику работы юридических институтов.

Д. Конкретные дела. Я бы отметил в делах Судебной коллегии по экономическим спорам последовательное проведение принципа внесения в сфере права недвижимости (право возникает в момент внесения записи); окончательный отказ от идеи о том, что у дольщика есть какая-то мифическая долевая собственность на объект, строящийся на его деньги; попытка (совершенно беззубая, на мой вкус) разобраться в том, что такое для целей налогового права недвижимое имущество; признание того, что удержание дает банкротный приоритет; подтверждение принципа эластичности залога при юридическом разделении двухэтажной квартиры на две самостоятельные квартиры; подтверждение теории сальдо взаимных обязательств как способа дать возможность применять зачет в банкротстве. То есть, как видим, это все или повторение старых решений Высшего Арбитражного Суда РФ, или же просто применение уже действующих норм законов. Ничего любопытного и прорывного в судебной практике в 2019 г. не было.

⁷ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением законодательства о независимой гарантии (утв. Президиумом ВС РФ 05.06.2019).

⁸ Обзор судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом ВС РФ 25.12.2019).

⁹ Постановление Пленума ВС РФ от 23.04.2019 № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации».

Хочу отдельно отметить еще одну тенденцию — стремительное развитие практики по привлечению контролирующих несостоятельных должников лиц к субсидиарной ответственности. Причем, что любопытно, заявителями по таким делам, добивающимися в Коллегии успехов, сплошь являются налоговые органы. Что, в общем-то, тоже наводит на разные грустные мысли.

3. Юридическая наука и образование. Перейдем к анализу того, что произошло в сфере юридического образования и науки.

А. Увлечение LegalTech'ом, повальное среди российских юристов. Все обсуждают футуристические сценарии: роботы-судьи и пр. Мне кажется, что *LegalTech* в настоящее время выступает чем-то вроде учения о правоотношении в советское время. Когда писать о залоге или праве застройки было бессмысленно (да и опасно), а ученые все же должны были что-то писать, отдушину находили в предельно абстрактном и ни на что не влияющем учении о правоотношении. Сейчас все пишут и говорят о *LegalTech'e*, ведь говорить собственно о праве на серьезных площадках довольно опасно. Я, признаться, довольно скептически настроен: я не верю, что в юрисдикции, где нет *Legal'a*, *Tech* может создать надежную правовую систему. Это будет не более чем красивая витрина.

Б. Впечатляющие результаты молодых команд на конкурсах. Российские студенты с завидной регулярностью стали побеждать на международных арбитражных конкурсах. Видимо, это связано с тем, что подросло поколение тренеров (то первое поколение студентов, которое начало на эти конкурсы ездить), которые уже могут хорошо учить команды. Так или иначе, это позитивное явление: складываются активные и неравнодушные группы молодых и перспективных юристов, знающие, что такое хороший суд. Именно они, видимо, и будут его создавать через какое-то количество лет.

В. Активизация студентов в соцсетях. Еще одна тенденция, которую я заметил и которая напрямую связана с формированием неравнодушных групп молодых юристов, — активизация юридической молодежи на различных площадках социальных сетей и в офлайне. Это и кружок гражданского права СПбГУ, и постоянный семинар по гражданскому праву МГУ. Чем-то должна ответить ВШЭ.

...Мысленно перебирая события 2019 г., я опять прихожу к выводу о том, что каких-то глобальных позитивных явлений для российских юристов не было. Мы все катимся в глубокую неправовую яму, в которой у граждан отбирают фундаментальные права в угоду пресловутой *security*, суды прислуживают в уголовных делах злой воле правящего режима, законодатель постоянно закручивает гайки. Небольшие радости доставляют лишь частное право (реформа вещного права) и наша молодежь: я совершенно убежден, что новое поколение российских юристов уже практически готово и что по своему качеству оно намного лучше, чем мое поколение.